

Вернувшись в тот день с Пика Любования Луной, Бай Чи заперлась в своей спальне.

Стоял погожий послеполуденный день, овеваемый легким прохладным ветерком.

На каменных ступенях у дверей сидел мальчик в синем даосском одеянии. Подперев пухлые щечки руками, он наблюдал за муравьями под деревом и время от времени поглядывал на запертую позади дверь.

— А-У, Учитель заперлась в комнате и не выходит уже три дня.

Малыш удрученно сморщил свое круглое, как булочка, личико.

Маленький черный кот А-У лежал рядом, греясь на солнышке. Его пушистый хвост лениво покачивался из стороны в сторону, а изумрудно-зеленые глаза были полуприкрыты. Кот лениво мяукнул, словно отвечая ему.

Малыш надул белые нежные щечки и, подражая взрослым, тяжело вздохнул.

Не успел он закончить вздох, как чья-то рука внезапно схватила его за пухлую щеку и принялась ласково тискать.

— Ой! Кто это? Кто? — испуганно закричал мальчик. Потеряв равновесие от неожиданности, он забил руками и ногами, отчаянно извиваясь, словно выброшенная на берег рыба.

— Угадай, — с улыбкой произнесла Бай Чи. Она прикрыла ладонью его глаза, не давая обернуться.

Еще из комнаты она заметила этого ребенка — такого крошечного, преданно дежурившего у ее дверей.

— Учитель! — радостно вскрикнул малыш. Он убрал руку Бай Чи от своего лица, резко обернулся и бросился в ее объятия, а из его глаз тут же покатились крупные, как горошины, слезы.

Черный кот А-У тоже принялся тереться о ее ноги, время от времени нежно мяукая.

Бай Чи обняла мальчика, который едва доставал ей до пояса, и снова ласково потрепала по голове:

— Мой послушный У Тун.

У Тун прижался к ее груди и спустя некоторое время глухо пробормотал:

— У Тун всегда будет рядом с Учителем.

— Учитель, пожалуйста, не грустите.

Бай Чи на мгновение замерла, а затем тихо рассмеялась. Ничего не объясняя, она с улыбкой пообещала:

— Хорошо.

У Тун поджал губы, высвободился из ее объятий и, взяв Бай Чи за руку, потянул в сад. Черный кот лениво поплелся следом за ними.

Бай Чи послушно пошла за мальчиком.

— Учитель, посмотрите!

У Тун подвел ее к каменному столу посреди двора, возле которого рос недавно посаженный куст темного бамбука.

Бай Чи опешила, а затем присела на корточки и коснулась пожелтевших бамбуковых листьев.

— Это... тот самый, что я принесла на днях?

— Да! — кивнул У Тун. В его глазах светилось ожидание. Он поднял голову, и в его больших черных зрачках отразилось лицо Бай Чи. — Учитель ведь больше всего любит бамбук. У Тун нашел свободное место и посадил его вместе с А-У.

Маленький черный кот гордо вскинул голову и согласно замяукал.

Бай Чи не удержалась и погладила кота. А-У вытянул шею, зажмурился и довольно замурлыкал.

Уши мальчика тут же покраснели. Он смущенно опустил голову, глядя на увядающие желтые листья:

— Но, кажется, он не прижился.

Еще несколько дней назад бамбук зеленел свежестью, а сегодня совсем поник и покрылся

желтизной.

Бай Чи медленно перевела взгляд с корней на кончики листьев увядающего бамбука.

Этот побег пурпурного бамбука подарил ей отец. Он лично наблюдал, как она и Чу Хэн сажали его своими руками.

В те времена отец был еще полон сил и здоровья. Поглаживая длинную бороду, он щурился, глядя вдаль.

Он говорил, что этот пурпурный бамбук сможет вырастить лишь любящая пара, чьи сердца бьются в унисон.

А еще он говорил: если настанет день, когда бамбук засохнет и сбросит листья, значит, вашей судьбе пришел конец.

Ни она, ни Чу Хэн тогда не поверили, посчитав это простой шуткой. Они посадили его наспех и тут же выбросили эти слова из головы.

Кто бы мог подумать.

Бай Чи мысленно вздохнула.

Она поднялась и нежно погладила мальчика по макушке.

— В этом нет твоей вины, — с улыбкой успокоила она У Туна. — Просто наша связь оборвалась.

У Тун захлопал своими большими черными глазами, снизу вверх глядя на Учителя. На его лице отразилось детское непонимание, смешанное с глубокой задумчивостью.

Налетевший порыв ветра раскачал стебли пурпурного бамбука из стороны в сторону, и сухие листья осыпались на землю.

Бай Чи опустила взор. Коснувшись щеки У Туна, она почувствовала, что его кожа замерзла, и, взяв малыша за руку, повернула обратно к дому.

Больше она ни разу не взглянула на увядший бамбук.

— Учитель, а что значит — связь оборвалась?

— Ну... когда У Тун вырастет, тогда и поймет.

— Ну хорошо...

—

Бай Чи с улыбкой поговаривала его еще немного, прежде чем У Тун неохотно вернулся в тело черного кота.

Он был кошачьим демоном, и его уровня культивации не хватало надолго — принимать человеческий облик он мог от силы на два часа в день.

С легким вздохом Бай Чи посмотрела на черного кота, который успел изрядно испачкать ее одежду своей шерстью.

Вскоре силы кота окончательно иссякли. Прижавшись головой к ее груди, он погрузился в глубокий сон.

В мире смертных черных кошек чаще всего считали предвестниками несчастий. Вот и У Туна хозяева выбросили на улицу, когда он был еще совсем крошечным.

Бай Чи встретила его таким же зимним днем.

Тогда валил хлопьями густой снег, а река покрылась ледяной коркой.

Дети, игравшие на берегу, из любопытства стали заглядывать под мост, где притаился маленький черный котенок.

— Кис-кис-кис, иди сюда! — громко кричали дети, махая руками.

Но котенок не смел показаться. В раннем детстве по глупости он уже пытался подходить к людям.

Большинство, заведев его, поспешно уходило прочь с отвращением на лицах, бросая вслед ругательства вроде: проклятая тварь.

Были и те, кто подзывал его ласковым жестом в безлюдный переулок только для того, чтобы пнуть или жестоко избить.

После множества побоев котенок усвоил урок и с тех пор круглые сутки прятался под мостом, больше никому не доверяя.

Видя, что котенок даже не поворачивает головы и лишь дрожит от страха, один из мальчиков сделал несколько шагов вперед, продолжая звать:

— Кис-кис, выходи! Я возьму тебя к себе домой, согреешься у очага.

В нетерпении подобраться поближе ребенок поскользнулся и с громким всплеском провалился под лед.

Тонкий лед треснул, ледяная зимняя вода обжигала холодом. Мальчик был совсем мал и в мгновение ока ушел на дно.

Прохожие на берегу случайно заметили это и подняли крик. В это время мимо проходили Бай Чи и ее спутники, которые и вытащили ребенка из воды.

Вскоре прибежали испуганные родители. Выслушав рассказ очевидцев, они сквозь слезы принялись горячо благодарить спасителей.

Но затем их благодарность сменилась яростью: собрав родственников, они бросились под мост, чтобы забить до смерти ни в чем не повинного котенка.

Поняв, что дело принимает скверный оборот, Бай Чи вмешалась, защитила котенка и забрала его с собой.

Чу Хэн тогда посмеялся над ней:

— Ты что, всякий хлам подбираешь?

В то время она была еще совсем юной. Смутившись, она лишь бережно прижала котенка к груди и промолчала.

Но в душе упрямо возразила: это вовсе не хлам.

Внезапно нефритовый свиток на ее поясе нагрелся. Бай Чи вздрогнула, поспешно уложила спящего кота под одеяло и вышла из комнаты.

Сняв нефритовый жетон, она сотворила заклинание, и он завис в воздухе.

Вспыхнув несколько раз, артефакт спроецировал фигуру статного мужчины с благородными чертами лица.

Глава Секты Гуйюань, Ци Луань.

— Старший брат звал меня? — спросила Бай Чи.

Ци Луань хмурился, его лицо было сурово.

— Срочное собрание в Зале Инь-Ян. Приходи немедленно.

*

Зал Инь-Ян служил главным залом Секты Гуйюань, и без веской причины его никогда не открывали.

Старейшины, которые крайне редко собирались вместе, чинно сидели на своих местах. В зале царила гнетущая атмосфера.

— Все ли собрались? — спросил Ци Луань. Закрыв глаза, он откинулся на спинку кресла и потер виски пальцами, высунувшимися из широкого рукава.

— Глава секты, — поднялся со своего места один из старейшин и сложил ладони в знак уважения, — прибыли все, за исключением троих старейшин, находящихся на странствиях ради закалки, и двоих, пребывающих в уединенной медитации.

— Хорошо, — Ци Луань выпрямился и окинул присутствующих строгим взглядом. — Тогда начнем. Недавно ученики доложили, что в деревне, расположенной в пятистах ли к югу от Секты Гуйюань, произошло ужасное злодеяние. Слышал ли кто-нибудь об этом?

Ци Луань, облаченный в черное даосское одеяние, сидел на почетном месте, нахмутив брови.

— Глава секты имеет в виду то самое происшествие? — осторожно спросил один из старейшин, поглаживая длинную бороду.

— Да, — глава секты открыл глаза и машинально постучал пальцами по столу.

Получив утвердительный ответ, старейшина от неожиданности дернул рукой и вырвал клоч собственной бороды, отчего тут же скорчился от боли.

Бай Чи не понимала, о чем идет речь, и недоумевала, какое событие могло озадачить самого главу секты и старейшину Сюаня.

Она завершила свое уединенное культивирование всего несколько дней назад, после чего была слишком поглощена личными заботами, а потому ничего об этом не знала.

— Хватит говорить загадками, что за происшествие? — не выдержал другой старейшина, который, как и Бай Чи, пребывал в неведении и видел лишь мрачные лица коллег.

Глава секты нахмурился. Заметив, что Бай Чи и еще несколько человек не понимают, о чем речь, он немного подумал и медленно произнес:

— Знакомо ли вам понятие «посмертный брак»?

— Это... — кто-то изумленно ахнул. — Неужели в наше время кто-то до сих пор занимается подобной дикостью?

— Именно. И дело, о котором пойдет речь, напрямую связано с одним таким браком. В той деревне жила богатая семья по фамилии Ван. Их младший сын погиб в результате несчастного случая, причем смерть его была ужасной, — глава секты покрутил кольцо на пальце и нахмурился пуще прежнего. — Семья Ван посчитала, что одинокая могила принесет несчастье их роду, и решила устроить для покойного сына посмертную свадьбу. Используя для этого живого человека.

Присутствующие в зале потрясенно переглянулись, не веря своим ушам.

— Невестой оказалась девушка из соседней деревни. Ее собственный отец-игрок продал дочь семейству Ван всего за десять лянов серебра.

В зале воцарилась гробовая тишина.

— Несчастной забили рот волосами, зашили губы нитками, а затем вбили железные гвозди в руки и ноги, заживо похоронив в гробу. Согласно докладу учеников, ее связали по рукам и ногам и заколотили в гробу живьем. После чего закопали в одной могиле с покойным женихом.

По залу пронесся дружный вздох ужаса. Несмотря на то, что в жаровнях весело горели угли, в этот холодный зимний день у всех присутствующих выступил холодный пот.

— Какое страшное злодеяние! Великая беда... — Сюань Вэйцзы открыл глаза, продолжая лихорадочно перебирать пальцами, совершая гадательные расчеты.

— Еще бы, — вздохнул осведомленный старейшина, вытирая рукавом пот со лба. — Спустя несколько дней один из членов семьи Ван, проходя ночью мимо кладбища, увидел, что гроб стоит прямо на вершине могильного холма. И весь он с обеих сторон был покрыт глубокими царапинами и следами крови.

— Гробы делают из толстого дерева. Если кто-то смог оставить следы когтей голыми руками, значит... — не удержался один из старейшин.

Осведомленный старейшина мрачно и с нескрываемым удивлением кивнул:

— На следующее утро жители деревни обнаружили того самого прохожего пригвожденным к крышке гроба. Его рот тоже был зашит нитками, а в ладони и стопы вбиты железные гвозди.

В зале вновь повисла тишина.

— На сегодняшний день в деревне погибло уже восемнадцать человек. И у всех одна и та же смерть. Защищенные рты и гвозди, вбитые до самых костей.

Глава секты тяжело вздохнул:

— Если так пойдет и дальше, она превратится в свирепого мстительного духа.

— Что же делать? — сокрушался Сюань Вэйцзы. — Если ее не уничтожить, она принесет бедствие всему региону.

Никто не отзывался. Атмосфера в зале становилась все более гнетущей.

Обида и ярость этого женского призрака взмывали до небес, она уже унесла восемнадцать жизней. Все прекрасно понимали, что справиться с этим делом будет крайне непросто.

Глава секты медленно окинул взглядом присутствующих и глухим голосом спросил:

— Кто готов отправиться туда?

Все погрузились в раздумья, взвешивая все за и против.

Сюань Вэйцзы нес на себе проклятие и не мог сделать ни шагу за пределы Секты Гуйюань.

Старейшина Хэн И, управляющий Залом Дисциплины, еще не оправился от тяжелых ран.

Ин Минцзы обладал слишком вспыльчивым нравом и мог лишь все испортить.

Старейшине Мяо Синю с Пика Лекарств нужно было лечить Хэн И.

Таким образом, выбор оставался лишь между тремя кандидатами: Бай Чи, Чу Хэном и старейшиной Чао Шуо с Пика Создания Оружия.

Бай Чи подняла голову, поставила чашку чая на столик и не торопясь поднялась со своего места, сложив ладони в вежливом поклоне.

— Старший брат.

Бай Чи устремила взгляд на сидевшего на возвышении Ци Луаня:

— Я пойду.

Ее изумрудно-зеленое платье слегка колыхалось, хотя в зале не было ветра. На лице застыла решимость. В этот миг, глядя на то, как непоколебимо она стоит посреди зала, Чу Хэн едва не лишился дара речи от изумления.

— Бай Чи готова разделить твои заботы, старший брат.

— Глупости! — опомнившись, Чу Хэн резко вскочил с места и гневно возразил ей. — Эта поездка невероятно опасна! Зачем ты лезешь на рожон? — воскликнул он, гневно взмахнув рукавом.

— Чу Хэн, — холодно прервал его глава секты, — ты забываешься.

Мощная невидимая волна духовного давления обрушилась на Чу Хэна, силой заставляя его сесть обратно.

Чу Хэн глубоко вдохнул, его пальцы сжались так сильно, что побелели костяшки, он едва удержался на ногах.

— Сядь, — Ци Луань подул на чайные листья в своей чашке, отчего на поверхности воды побежали круги.

Никто в зале не проронил ни слова, у всех были разные выражения лиц.

Давление на его плечи все нарастало. Сцепив зубы, бледный как полотно Чу Хэн посмотрел на Бай Чи.

Но Бай Чи лишь спокойно смотрела на главу секты, даже не взглянув в сторону Чу Хэна.

Чу Хэн опустил голову, скрывая промелькнувшую в глазах злобу. Он медленно разжал побелевшие пальцы и, покачнувшись, неохотно опустился на стул.

Ци Луань убрал свое давление и перевел взгляд на стоящую внизу Бай Чи.

— Ты хорошо подумала? — Глава секты поставил чашку и пристально посмотрел на нее, выделяя каждое слово. — Как он и сказал, этот поход крайне опасен.

— Мое решение твердо, — склонив голову, ответила Бай Чи.

В ее облике сквозило спокойствие и уверенность, от былой юношеской робости и застенчивости не осталось и следа.

— Хорошо, — Ци Луань отвел взгляд, поднялся со своего места и, прикрыв глаза, сотворил заклинание. — Я дарю это тебе.

Он взмахнул рукой, и предмет плавно полетел к Бай Чи, зависнув перед ней.

Бай Чи опустила взгляд, рассматривая подарок.

Это был старинный серебряный колокольчик, на корпусе которого красовались узоры в виде двух змей. Он выглядел необычайно изящно.

— Колокольчик Гу? — кто-то в зале невольно воскликнул название артефакта. — Разве эта вещь не...

Бай Чи не расслышала последних слов. Приняв серебряный колокольчик в ладони, она с недоумением подняла голову:

— Что с ней?

— Не нужно лишних вопросов, — Ци Луань бросил строгий взгляд на прервавшего его старейшину и вернулся на свое место. — Тебе нужно лишь помнить, что эта вещь способна изгонять зло.

Бай Чи на мгновение замерла, затем убрала колокольчик в свое Кольцо-Хранилище и поклонилась:

— Благодарю вас, старший брат.

— Жители той деревни крайне суеверны и консервативны, они не жалуют чужаков. Когда прибудешь туда, сначала свяжись с нашими учениками, охраняющими те земли, они проводят тебя.

— Слушаюсь.

Ци Луань, восседая на возвышении, проводил ее глубоким взглядом:

— Ступай.

Лишь тогда присутствующие в зале один за другим поднялись со своих мест, и обстановка вновь разрядилась.

— Что ж, желаем младшей сестре Бай попутного ветра в пути и благополучного возвращения!

<http://bllate.org/book/21962/2281871>